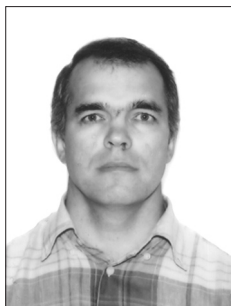

**ЧАЙ В ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

*Александр Васильевич
Сакович,
старший сотрудник*

*Марина Леонидовна
Никифорова,
заведующая
научным отделом*

Архитектурно-этнографический музей «Тальцы», г. Иркутск

Тема чаепития с каждым годом приобретает все большую популярность, и не случайно русский писатель Ф. Соллогуб так выразительно назвал чай «отрадой русского человека во всех случаях его жизни». Иркутская газета «Восточное обозрение» еще в 1886 году писала: «Чаепитие в Сибири есть священнодействие. Не так важен обед, как чай... Хорошая хозяйка около самовара священнодействует» (1). Сегодня не только музеи, но и владельцы различных чайных заведений стремятся создавать выставки и интерьеры, посвященные давно полюбившемуся сибирякам напитку и связанным с ним традициям. Не стал исключением и Архитектурно-этнографический музей «Тальцы», в интерьере действующей «Чайной» которого летом 2007 года открылась выставка «Чай в Иркутской губернии в конце XIX – начале XX века».

Чай в России пили по-разному. С тех пор как русский посол Василий Старков вернулся в Москву с чайными подарками от алтынских ханов, прошло почти 300 лет. Изменились не только вкусы, но и сами традиции чаепития, а также способы, приемы и посуда для приготовления чая. Неизменной

осталась только любовь сибиряков к этому, когда-то экзотическому, напитку.

На выставке представлены различные виды чайной посуды, предметы, связанные с торговлей чаем, а также упаковки от различного печенья, конфет и других сладостей к чаю; показано, какой чай и из какой посуды предпочитали пить разные слои населения, как менялись вкусы потребителя в зависимости от его социального статуса.

Торговцы чаем всегда учитывали потребности разных слоев населения. Самым распространенным был «народный» — кирпичный чай. Его пили в основном низшие слои общества, а также инородцы. Чай варили в котлах или чайниках, в крестьянском быту для питья широко использовались так называемые чинаковки — деревянные, из березового капа, чашки с короткой ручкой. Сибиряки кроме кирпичного употребляли и другие виды чая. В торговых ведомостях Иркутска в числе китайских чаев, продаваемых на иркутском рынке, значатся такие, как жулан насыпной и жулан бортогон, байховый насыпной и зеленый простой чай в бахчах (коробках, бумажных пакетах).

Купцы и горожане предпочитали более дорогие сорта чая. Прежде всего речь идет о байховых чаях, которых было три сорта: торговый, или черный, цветочный и обыкновенный.

Заметим, что иногда случались сбои в торговле чаем, во время таких перерывов многие жители Сибири, привыкшие к этому напитку, заменяли чай дикорастущими травами — иван-чаем и баданом.

Практически ни одно чаепитие первоначально в купеческой, а позже и в крестьянской среде не обходилось без самоваров, которые уже в XVIII веке были широко распространены в России. Самовары были разнообразны по форме («банка», «рюмка», «ваза», «яйцо»), объему и металлу, из которого они были изготовлены (медь, латунь, серебро, чугун).

Крестьяне приобретали самовары на ярмарках, в сельских лавках, городских магазинах. На крупных ярмарках, таких как Макарьевская, Ирбитская, Нижегородская, имелись специальные самоварные ряды, где изделия продавали поштучно и на вес. Стоимость их была различной и зависела от размеров, наличия украшений, а также от известности фабрики, на которой их изготавливали. Самовары на вес продавали оптом и в розницу по 15 рублей за пуд (16,38 кг). Их изготавливали на самоварных заводах Тулы, Москвы, Екатеринбурга и некоторых других уральских городов. Хорошо были известны фабрики Назара Лисицына, Василия и Ивана Ломовых, Ильи Федо-

рова, крупные производства Баташевых, Тейле, Шемариных, Маликова, к концу XIX века их насчитывалось более сотни. На самоварах обычно ставились фабричные клейма и выбивались медали, полученные фабрикой на промышленных выставках.

В русской деревне самовары ценились очень высоко. Хорошие самовары нередко давали дочерям в приданое.

Самовар считался символом уюта и благополучия. Как правило, у самовара собирались по случаю разных знаменательных дат, праздников, да и просто для дружеской беседы. К чаю чаще всего подавалась местная выпечка: бисквиты, пирожки с вареньем, лепешки, хворосты, шаньги — всего не перечислить.

В XVIII веке все неиспользованные ресурсы прикладного искусства воплотились в самоваре. Из утилитарного сосуда он стремительно становится центром дома и семьи. В XIX веке уже нет классика литературы, не упоминающего о самоваре. В живописи он стремительно проходит путь от олицетворения мещанства — у П.А. Федотова, до поэтического символа купеческой жизни — у Б.М. Кустодиева и до символа патриархального крестьянского быта — у Н.П. Богданова-Бельского.

Выставка рассказывает также о Чайном пути и наиболее известных иркутских чаеоторговцах.

О том, как возник торговый путь из Китая в Россию через

**Чайный магазин Полякова в Иркутске (справа).
Открытие начала XX в.**

Кяхту, написаны десятки книг и статей, и мы не будем останавливаться на известных фактах. Напомним лишь некоторые важные вехи.

В XVII веке из Китая и Центральной Азии в Сибирь потянулись караваны первых торговцев. На карте России стали появляться новые торговые маршруты. Один из таких путей, соединивший Запад и Восток новыми связями, и получил название Чайного пути. Чай, наряду с пряностями, курительным табаком, сахаром-леденцом и «мягкой рухлядью», был одной из самых доходных статей в торговле между Востоком и Западом.

В Россию чай был привезен при царе Михаиле Федоровиче. В Москве его стали продавать в конце XVII века. Большая часть чая доставлялась туда через Архангельск голландцами и португальцами.

Значительно раньше с чаем были знакомы монголы, буряты и другие народы Сибири, живущие вблизи от китайских границ. «К тому времени, когда была учреждена русская караванная торговля с Китаем, чай у этих народов был уже в широком употреблении. Потребление чая у русских в Сибири начинает увеличиваться с 1706 года, когда частные купцы перестали ездить в Пекин и установили торговлю в Урге» (3, с. 146).

Официальной датой появления чая в Иркутске можно считать 1684 год, когда к стенам острога подошел из Северной Монголии торговый караван. На 170 верблюдах были достав-

***Жестяные банки и походная офицерская кухня. Фрагмент выставки.
Фото М. Никифоровой***

***Столик, накрытый для чаепития.
Фрагмент городского интерьера.
Фото М. Никифоровой***

Доля чая в импорте в 1825 году составила 90 %.

Из Кяхты чай попадал в разные уголки страны, преодолевая на своем пути множество препятствий, начиная от всевозможных таможенных пошлин и заканчивая постоянными угрозами потери товара из-за плохих погодных обстоятельств, трудностями транспортировки и опасностью нападения разбойничьих шаек. Его везли на кораблях, быках, лошадях и верблюдах, самых быстрых средствах передвижения в то время.

От Тунжоу (ныне пригород Пекина) до Калгана (ныне г. Чжанцзякоу) чай везли больше на мулах: «...из Калгана необходимо отправлять чаи ранней весной на складку в Улясутае до сентября; при осенней отправке из Калгана чай ни в каком случае не дойдет до ирбитской ярмарки» (2, с. 185). «... От Калгана до Шабартая перевозочными средствами служат

лены чай, табак, китайские ткани.

С установлением торговли в Кяхте ввоз чая начинает возрастать с каждым годом. Подробные данные о ввозе чая известны с 60-х годов XVIII века. «В период с 1762 по 1785 год из Кяхты ежегодно вывозилось чая байхового до 8 тыс. пудов, жулану — 4 тыс., зеленого чая — до 400 пудов, кирпичного — до 17 тыс. пудов и других сортов — до 100 пудов, а всего немного менее 30 тыс. пудов» (3, с. 146). В 1800–1840 годах вывоз чая вырос в 5,2 раза, а с 1775 по 1851 год — в 30 раз.

весною и зимою верблюды, а летом, также весною и для запоздавших зимних грузов — двухколесные телеги (чец-зы) на быках; один бык везет 6–7 мест. (Место чая — тюк чая весом 107 фунтов — около 44 кг). Вьюк одного верблюда — четыре ящика байхового чая; если везут кирпичный, то четыре ящика по 56 досок или три по 64 (два по бокам и один сверху)» (4, с. 485).

С ноября, когда заканчивался подножный корм для рогатого скота и перевозка товаров на быках становилась практически невозможной, их заменяли верблюды. Немецкий путешественник из Петербурга И. Георги указывал, что в караванах было по 50 и более этих выносливых животных.

Караваны подходили к гостиному двору в Кяхте, и здесь начиналось настоящее действо — под крики и перебранку караванщиков, рев верблюдов и ржанье лошадей чай разгружался, взвешивался, проверялся на качество, в зависимости от сорта упаковывался в ту или иную специальную тару, воровался садовниками (3/4 всего привозимого в Кяхту чая разворовывалось и продавалось потом вразнос на различных толкучках, рынках, ярмарках).

В условиях полного бездорожья, малочисленности местного населения основными транспортными магистралями в Сибири были реки. Исключительную роль играл Байкальский бассейн, охватывающий огромную территорию от Енисея и Лены на севере до Монголии и Амура на юге. Однако движение по водным путям было опасно и требовало больших денежных и физических затрат. Товары неоднократно приходилось перегружать с дощаников на подводы в местах волоков и обратно.

Случались и кражи товара. Сплавщики загоняли дощаники в протоки, переносили вещи на берег и прятали. А потом подстраивали аварию — сажали транспорт на мель или пускали на дно, «чтобы спрятать концы в воду».

«Собственно чайный путь по Монголии — от Калгана до Кяхты имеет протяжение 1 267 верст. Все же расстояние от Ханькоу до Тунчжоу — 2 700 верст водного пути и от Тунчжоу до Кяхты — 1 300 верст сухопутного, всего 4 200 верст; если прибавить 5 800 верст от Кяхты до Москвы, то получится около 10 тыс. верст — немного менее диаметра земли. На преодоление этого пространства уходит около 7–8 месяцев, так что сбор настоящего года попадает на ярмарки следующего года: на Ирбитскую через 6–7 месяцев, на Нижегородскую через 14–15 месяцев» (4, с. 483–484).

«На всем сибирском пути товары приходилось перегружать по нескольку раз; суда, на которых их везли, требовалось иног-

**Чаепитие в поле.
Фрагмент крестьянского полевого
стана. Фото М. Никифоровой**

да тянуть против течения. Случалось, что канаты, с помощью которых поднимали суда вверх по реке, обрывались, и тогда нередко гибли не только грузы, но и люди, находившиеся на судах. На волоках дороги содержались в запущенном состоянии: заваленные камнями, лесом, с прогнившими мостами; зимовья, где купцы делали привалы, были безлюдны и „оттого приезжающие как в пище, так и в обогревании себя и в корму лошадином претерпевали великие недостатки“» (3, с. 177).

Почти до конца XIX века чай в Россию продолжал

поступать из восточных и южных китайских провинций. И главным городом в торговле между Россией и Китаем по-прежнему была Кяхта, заслуженно названная современниками «сибирской Венецией».

Половина всего ввозимого из Кяхты китайского чая оставалась в Сибири, преимущественно в Иркутской губернии.

Благодаря развитию чаеоторговли большое распространение получил извозный промысел как среди жителей Иркутской губернии, так и среди бурят, живших ближе к торговым путям, особенно у кударинцев и селенгинцев. В летнее время кударинцы возили грузы, в основном китайский чай, от Кяхты до Байкала. Главным пунктом доставки этих грузов была Чертовкина пристань, откуда товары отправлялись дальше по Байкалу. В зимнее время грузы везли прямо до Иркутска, а

оттуда до Кяхты отправлялись российские товары, прежде всего меха, мануфактура и заводские изделия.

Несмотря на неразвитость сухопутных дорог, в Иркутск ежегодно приходили сотни обозов. Так, осенью 1718 года в город пришло 328 подвод с разными товарами. В это время в Иркутской губернии были представлены все основные формы торговли: развозная, ярмарочная, стационарная. До середины XVIII века господствовала караванно-развозная.

Во второй половине XIX века кяхтинская торговля постепенно теряет свои позиции, несмотря на это, иркутские чае-торговцы по-прежнему остаются крупнейшими поставщиками различных сортов чая на российский рынок. Более того, они все настойчивее стремятся проникнуть на рынки Монголии и Китая. Уже в 1860-х годах некоторые из них смогли перенести торговые операции на территории сопредельных стран. В 1863 году возникла чайная фирма иркутян Н.Л. Родионова и И.С. Хаминова, которая владела чайными плантациями близ города Ханькоу (ныне часть г. Ухань). В 1876 году предприятие приобрел иркутский купец П.А. Пономарёв, который значительно расширил производство. Кроме того, он построил три фабрики по изготовлению плиточного и кирпичного чая. Магазины Пономарёва имелись во всех крупных городах Сибири. Фирма «Пономарёв и К°» установила деловые отношения с Японией, Турцией, рядом стран Европы.

Со временем чай стал настолько популярным напитком, что его было принято преподносить в качестве подарка даже высокопоставленным особам. Так, в конце XIX века, когда будущий император, цесаревич Николай, совершая путешествие через Индию, Китай и Японию, прибыл в Забайкалье, губернатор от имени благодарного купечества, торгующего в Кяхте, преподнес ему огромный ящик с шестью сортами лучшего китайского чая.

Сибиряки просто не мыслили свою жизнь без крепкого ароматного напитка, который пришелся по вкусу всем слоям населения и стал незаменимым продуктом на столе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Восточное обозрение. 1886. № 19.
2. Немчинов. От Калгана до Хобто // Труды русских торговых людей в Монголии и Китае. Иркутск, 1890.
3. Силин Е.П. Кяхта в XVIII веке: Из истории русско-китайской торговли. Иркутск, 1947.
4. Субботин А.П. Чай и чайная торговля в России и других государствах. СПб., 1892.